

можно сказать и о его религиозных взглядах. При этом, если философские воззрения Лермонтова нашли себе — хотя бы частично — освещение в работах по специальности, об отношении Лермонтова к религии известные нам работы не дают достаточного представления¹.

Известно, что религиозная символика богато насыщает все творчество русского поэта. С первых до последних шагов в его поэзии неизменно присутствуют не только небеса, божество, ад и рай, но и молитва, крест, лампада, символ святой и т. д. При этом тщетной оказывается попытка проследить в этом отношении какую-либо эволюцию: с отдельными спадами (в 1830, в 1832, в 1836 гг) эта линия проходит вплоть до самых последних стихотворений Лермонтова. Тот факт, что в ряде крупнейших шедевров «зрелой» лирики Лермонтов не прибегает к этим символам (*Дума, И скучно, и грустно*) уравновешивается их использованием в других, не менее важных произведениях этого периода (*Смерть поэта, Выхожу один я на дорогу*). Божество, творец, создатель, всесильный, всемогущий, как основной символ, повторяется, постоянно варьируясь, во множестве различных значений: божественна красота возлюбленной (*Очи NN, К деве небесной*), божественны вдохновенный стих и вдохновенная проповедь поэта (*Поэт, Пророк*), божественны «чувство правды в сердце человека» (*Есть чувство правды в сердце человека*) и правда последнего суда (например, в стихотворении *Я не хочу, чтоб свет узнал*: «Как я любил за что страдал / Тому судья лишь бог да совесть... И пусть меня накажет тот, / Кто изобрел мои мученья», в стихотворении *Оправдание*: «Скажи, что судит нас иной...» или — в другом плане — в стихотворениях *30 июля 1830 года* и позднее *Смерть поэта* со знаменитыми строками: «Но есть, есть божий суд, наперсники разврата, / Есть грозный суд...», нередко подвергавшимся столь вульгарному толкованию). Это постоянно поэта определяется прежде всего тем, что религиозная лексика и образность используются им не столько в своем прямом смысле, сколько в качестве символов, наполняющихся в различных случаях более или менее постоянными значениями.

Последнее обстоятельство красноречиво иллюстрирует *Сашка* — как произведение переходного периода и как поэма, в которой наиболее ярко звучит лирический голос самого поэта, высказывающегося по интересующим нас вопросам.

¹ Очень модная в конце XIX—начале XX вв. идея о религиозности Лермонтова развивается в работах критиков, в статьях писателей и ученых. См. В. О. Ключевский, *Грусть*, «Русская мысль», 1891, № 7; Д. С. Мережковский, *М. Ю. Лермонтов, поэт сверхчеловечества. Полное собрание сочинений Дм. Серг. Мережковского*, т. XVI, Москва, 1914. См. также И. Л. Недригайлов, *Лермонтов и христианское подвижничество*, Харьков, 1914; А. Победоносцев, *М. Ю. Лермонтов, Общий характер и религиозные мотивы его лирики*, Владимир, 1915; Мих. Никитин, *Идеи о боге и о судьбе в поэзии Лермонтова*, Новгород, 1915 и др. Однако их выводы, несущие печать религиозных и мистических взглядов исследователей и потому недостаточно объективные, так же неприемлемы для нас сегодня, как и категоричные утверждения об атеизме Лермонтова, встречающиеся иногда в современных исследованиях. См. Вл. Архипов, *М. Ю. Лермонтов*, Москва, 1965, стр. 84—92. Более гибкий и диалектический подход к вопросу находим в ряде новейших работ. См., например, Н. Любович, «*Миры*» в идейной борьбе 30—40-х годов и А. Гуревич, *Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова* в кн.: *Творчество М. Ю. Лермонтова*, Москва, 1964.